

УДК 94–055.2(430)“1920/1930”

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Т. В. Малахова

Определяется специфика гендерной политики в Веймарской республике на основе анализа механизмов урегулирования гендерной асимметричности в немецком обществе 1920-х гг. Прослеживается динамика семейной и демографической политики, а также общественно-политической активности женщин. Исследуются основы гендерной политики в отношении семитского меньшинства в контексте немецкого расизма.

Ключевые слова: Веймарская республика, Германия, гендер, антисемитизм.

В начале XX в. в Германии происходил противоречивый процесс эмансипации женщин, продолжившийся и после возникновения Веймарской республики. Сегодня существует соблазн представлять историю Веймарского государства непрерывной чередой негативных событий, приведших к поражению демократии и вылившихся в катастрофу национал-социализма. Однако не следует ни в коем случае упускать из виду то, что в эту эпоху происходили неоднозначные политические и особенно культурные процессы. В ее истории берет начало и судьбоносная для Германии гендерная политика, рассмотрению которой посвящена данная статья.

В кайзеровской империи женщины были политически бесправны и социально зависимы сначала от отца, а после замужества – от мужа. В выборе профессии представительницы слабого пола были ограничены: женщины низших слоев могли зарабатывать на жизнь, работая прислугой, уборщицей, прачкой, а также на фабрике и на дому. Для замужних дам среднего сословия работа за плату считалась несоответствующей их сословному статусу. Браки в буржуазной среде заключались на коммерческой основе. Благодаря выгодной женитьбе оздоравлился бюджет семьи, укреплялись коммерческие отношения и создавались политические коалиции.

Впервые немецкие женщины как политическая сила проявили себя еще в период революции 1848–1849 гг., а в 1865 г. в Лейпциге возникло объединение женских промысловых и образовательных организаций – Всеобщий германский женский союз (АДФ). К началу Первой мировой войны он включал в свой состав 15 местных групп и 49 дочерних организаций с более чем 13 тыс. участниц. АДФ в течение десятилетий олицетворял немецкое женское движение. Его программа, разработанная в 1905 г. Хелен Ланге (1848–1930), содержала требования в области образования, производительного труда, брачно-семейных отношений, политической жизни.

Особенностью женского движения в кайзеровский период был его раскол на буржуазное и пролетарское направления. Буржуазное течение, ориентированное на либеральные ценности, представляло созданное в 1894 г. Объединение немецких женских союзов (БДФ). Председатель БДФ и идеолог его консервативного крыла Гертруда Боймер (1873–1954), а также лидер умеренного крыла Хелен Ланге основное внимание уделяли организации и развитию женского образования, в котором видели залог безбедного будущего для женщин из обеспеченных слоев общества. Пролетарское женское движение было тесно связано с Социал-демократической партией Германии (СДПГ) и признавало существование классовых различий. Лидером и главным теоретиком пролетарского женского движения была Клара Цеткин (1857–1933), которая добивалась профессионального и общественного равноправия женщины, ее активного участия в классовой борьбе.

Веймарская конституция, вступившая в силу 14 августа 1919 г., предоставила женщинам политическое равноправие и социально-экономические права. Статья 109 этой конституции гласила: «Все немцы равны перед законом. Мужчины и женщины имеют в принципе одинаковые гражданские права и несут одинаковые обязанности», в соответствии со ст. 128 «все граждане без различия допускаются к занятию публичных должностей, согласно законам и соответственно их способностям и заслугам. Устраняются все ограничительные постановления, относящиеся к чиновникам-женщинам» [Конституции..., 1935, с. 102, 104, 105]. Тем не менее многие требования женского движения, такие как равноправное участие в выборах, в образовании, были удовлетворены формально. И главным «рабочим местом» женщины оставалось домашнее хозяйство. Феномен «до-

машней хозяйки» и идея, согласно которой ведение собственного домашнего хозяйства является естественным рабочим местом каждой женщины, имели корни в представлениях о семье, сложившихся в буржуазной среде в XIX столетии. Традиционное понимание сферы деятельности женщин в Германии воплощалось в формуле «три К»: *Kinder* (дети), *Küche* (кухня), *Kirche* (церковь).

В сфере семейной жизни буржуазная мораль была двойственной: внебрачные половые связи мужчины и женщины получали в обществе разную оценку. Девушка из состоятельной семьи до вступления в брак должна была оставаться девственницей, в то время как мужчина мог иметь добрые половые связи. И все же немецкое общество было готово к обсуждению некоторых табуированных тем. Так, на рубеже XIX и XX вв. в популярных журналах публиковались материалы дискуссии медиков о женской сексуальности. И если одни утверждали, что женщина заинтересована не столько в сексуальной близости, сколько в душевном взаимопонимании, и именно эти ее «природные задатки» служат гарантией сохранения брака и семьи, то другие доказывали, что фригидность женщин является только следствием отсутствия сексуального воображения у мужчин. Заявление о том, что женщины, как и мужчины, имеют сексуальные интересы и могут удовлетворять их в браке и вне него, было полным разрывом с «хорошим» обществом.

Правительство утвердило имперское законодательство, включающее уголовный кодекс 1871 г., который ставил аборт вне закона, ограничивал доступ к регулированию рождаемости, и Германское гражданское уложение 1900 г., которое ограничивало женские права на брак и развод. Уложение не знало легальной власти мужа над женой, однако не признавало равенства мужчины и женщины в браке. Его § 1354 закреплял принцип главенства мужа в общесемейных делах, но предоставлял жене право «не подчиняться решению мужа, если оно представляется злоупотреблением с его стороны своим правом» [Германское уложение..., с. 610]. Кодекс устанавливал подчинение жены мужу, а детей – отцу. Согласно кодексу жена была обязана проживать по месту жительства мужа, носить его фамилию, вести домашнее хозяйство и работать на семейном предприятии. Все имущество жены, в том числе полученное в качестве приданого и нажитое в браке, находилось под управлением мужа. Только он мог принимать решения по всем вопросам совместной жизни супругов. Только отец мог представлять интересы ребенка, и у него в случае расторжения брака оставались на ребенка все права. Мать внебрачного ребенка должна была заботиться о нем, но не имела над ним родительской власти и не могла представлять его интересы [Там же, с. 610–635].

Несмотря на демократизацию общественной жизни в период республики, брачно-семейное законодательство оставалось консервативным и, по мнению представителей женского движения, вынуждало требовать реформ. Например, Объединение немецких женских союзов выступало за предоставление матери родительских прав, включая право представлять ребенка перед законом, распоряжаться и пользоваться его имуществом, за передачу ребенка на воспитание наиболее подходящему из разведенных родителей, упрощение процедуры развода, юридическое равноправие рожденных в браке и незаконнорожденных детей, наложение «более весомых обязанностей» на отцов внебрачных детей. С целью защиты интересов матери выдвигалось требование участия в бракоразводных процессах женщин-судей. Программа «Союза защиты матери и сексуальной реформы», созданного еще в 1905 г., включала оказание помощи незамужним матерям в достижении экономической самостоятельности, обеспечение всеобщего страхования материнства, улучшение юридического положения матерей-одиночек и внебрачных детей, а также развертывание устной и печатной пропаганды в поддержку незамужних матерей [*Zahn-Harnack*, S. 33–34, 46–47, 54–55].

Экономические мотивы вынуждали женщин поступать на работу, причем особенно нуждались в заработке вдовы погибших на войне, жены инвалидов войны, женщины, не имевшие возможности выйти замуж из-за превышения их численности над численностью мужчин, матери-одиночки. Девушки, как правило, работали после окончания школы до замужества. Но женщины шли на работу и по социальным мотивам: не хотели сидеть дома, чему способствовал рост популярности идей эмансипации, а также то, что многие женщины приобрели профессию во время войны, когда в связи с уходом мужчин на фронт спрос на женский труд существенно возрос. Однако «демобилизация вернула женщин с их “военных” рабочих мест на более низкооплачиваемые “женские” рабочие места» [*Bridental et al.*, 1984, p. 10]. Порождая безработицу, демобилизация усилила гендерный антагонизм. Кроме того, в послевоенной Германии существовал страх «перед демографической катастрофой из-за увеличившегося числа разводов после возвращения мужчин с фронта и тем, что женщины не будут рожать от мужчин, искалеченных войной, не желая воспроизводить

«потерянное поколение»» [Ibid., p. 10]. Как отмечается в литературе, «по переписи 1925 г. занятых мужчин насчитывалось 20,5 млн., женщин – 11,5 млн., т.е. на каждых двух работавших мужчин приходилась одна женщина. При этом среди трудившихся женщин 2/3 составляли незамужние, 1/3 – замужние, причем имела тенденция к росту занятости замужних женщин» [Биск, 1990, с. 59].

Первая половина XX в. характеризуется глубокими изменениями в быте и образе жизни людей. Так, в начале столетия снабжение газом и водой и наем двух служанок полностью освобождали жену промышленника или высокопоставленного чиновника от домашней работы, а детская одежда, которую раньше шили самостоятельно, теперь покупалась в готовом виде. Жена фабриканта руководила домашним хозяйством и прислугой, заботилась об обеспечении имиджа дома, подобающего своему социальному статусу. А своим видом она свидетельствовала о процветании и стабильности предприятия супруга. Ее демонстративная праздность, модный гардероб и дорогие украшения, участие в культурной жизни общества считались мерилем буржуазного благосостояния.

Совершенно иной была повседневная жизнь фабричной работницы. В то время как рабочие-мужчины в свободное время посещали пивные, играли в футбол или участвовали в политических собраниях, их жены готовили пищу, наводили порядок в квартире, покупали продукты, ухаживали за детьми. Воскресенье использовалось для большой стирки и починки одежды. Замужняя женщина-работница делала всю работу по дому, а помогали ей лишь повзрослевшие дочери. Если после смерти родителей в семье оставались несколько братьев при одной также работавшей сестре, то уход за домом и обслуживание братьев оставались на ней – вплоть до того, что, встав гораздо раньше их, она кормила их и готовила им с собой на работу второй завтрак. В целом же рабочая семья с обоими работающими родителями выглядит неполноценной. Многие дети с малых лет не жили в семье или встречались с родителями очень редко, когда сами болели или когда родители не имели работы. Связь между членами семьи была больше экономической, чем родственной.

Реакционные силы в Веймарской республике пытались доказать, что замужняя женщина не должна работать, так как «двойные заработки» в одной семье ведут народ к катастрофе. В этих кругах считалось, что хозяйка должна быть как можно более практичной, и тогда она сумела бы экономнее и рациональнее распорядиться заработком мужа. Однако модернизация производства затронула как женщин, все еще занятых в традиционных оплачиваемых должностях, так и тех, кто занимал неоплачиваемые должности. «Метафорически модернизация простиралась от фабрики и офисов к общественным учреждениям и политической жизни, в дом и даже в спальню» [Bridental et al., 1984, p. 11]. Как предполагали власти, она помогала женщинам нести двойное бремя: семьи и работы. Преобладающие в промышленности критерии рациональности и эффективности должны были быть перенесены на ведение домашнего хозяйства и тем самым разгрузить домохозяйку. В статье «Рационализация в домашнем хозяйстве», напечатанной в ежемесячнике «Дас нойе Франкфурт» (1927), утверждалось, что «каждая мыслящая женщина должна чувствовать отсталость прежнего способа ведения домашнего хозяйства и осознать в нем самое серьезное препятствие для собственного развития и ... для развития ее семьи» [История Германии..., 2008, с. 147].

С развитием промышленности значение сельской семьи как производственной единицы постепенно уменьшалось: экономические трудности и проблемы наследования толкали сельскую молодежь в город, проживая при этом на первых порах в доме родителей, молодые люди отдавали им часть заработка, а затем полностью порывали с деревней и пополняли армию промышленных рабочих. Дискриминация женщины на селе была еще большей, чем в городе. Одна южногерманская газета писала, что «многие крестьяне больше озабочены состоянием своего скота, чем благополучием жены и детей. В отдельных местностях Германии крестьянки по-старинному обращались к мужу на «вы!»» [Биск, 1990, с. 94]. В сельском хозяйстве рабочий день женщины был длиннее, чем рабочий день мужчины: поскольку крестьянин работал в течение года 3553 часа, а крестьянка – 3933, то рабочий день их равнялся соответственно 10 и 11 часам.

Первая мировая война привела к сокращению продовольственного рациона, прежде всего малообеспеченных семей, вызвала перебои с топливом, трудности с приобретением одежды и других предметов потребления. Решение этих бытовых проблем полностью легло на плечи женщин. Порой женщины из буржуазных кругов, уровень потребления которых был несравнимо выше, демонстрировали национальную солидарность и оказывали материальную помощь пролетарским домохозяйкам.

В первые послевоенные годы рождаемость в стране несколько повысилась, но с 1922 г. вер-

нулась на прежний уровень. «Прирост населения на 1 тыс. чел. в 1920 г. составлял 10,8%, в 1921 – 11,3, в 1922 – 8,5, в 1923 – 7,1, в 1924 – 8,2, в 1925 – 8,8, в 1926 – 7,9, в 1927 – 7,4» [Там же]. Главными причинами сравнительно низкой рождаемости в Германии были урбанизация, материальная необеспеченность и тяжелые жилищные условия. Власти пытались изменить ситуацию, прежде всего запрещая противозачаточные средства и аборт (закон разрешал аборт лишь в исключительных случаях), но нежелание иметь ребенка зачастую толкало женщин на криминальные аборты, от которых многие умирали или превращались в калек. Так, один из отрицательных персонажей произведений немецкого писателя Ганса Фаллады (1893–1947) приводит в Штеттине к повитухе свою любовницу-горничную. Повитуха «прежде работала медсестрой – акушеркой. За эти дела уже не раз в тюрьме побывала». Цена за услуги – 25 марок. «В общем, дело у нее налажено. Шприц, вода, а главное, чтоб подходящий срок был. Через сутки... избавилась от ребенка. Случилось это ночью, так что никто и не узнал. А на следующий день пошла на работу» [Фаллада, 1984, с. 94].

Стремясь улучшить демографическую ситуацию при одновременной экономии средств, правительство республики обратилось к моральному стимулированию материнства. С 1923 г. в Германии каждое второе воскресенье мая отмечался День матери, сводившийся к вручению матерям цветов и выполнению мужьями и детьми «женской» работы по дому [Frevert, 1986, S. 180]. Власти пытались также организовать охрану материнства и детства, создав развитую сеть консультаций и родовспомогательных учреждений, но они были дороги, поэтому в деревне почти всегда рожали вне родильных домов.

Помимо прочего в республике велась активная борьба с венерическими заболеваниями, количество которых росло в связи с военным временем и демобилизацией. Медицинские эксперты указывали на негативное значение «венерического загрязнения» для коэффициента рождаемости. «Согласно официальным оценкам с начала 1920-х гг. женская инфицированность гонорей предотвращала ежегодно примерно 100 тыс. рождений, а долгосрочные побочные последствия различных типов венерических заболеваний делали бесплодными до 300 тыс. браков ежегодно» [Bridental et al., 1984, p. 13]. Также чрезвычайно широко был распространен сифилис, заболевание которым могло привести к рождению мертвого ребенка или ребенка с врожденными физиологическими дефектами. По закону 1927 г. были закрыты публичные дома, введены принудительное лечение венерических больных и ответственность за заражение другого лица (предусматривалось тюремное заключение сроком на три года за сознательное инфицирование другого лица) [Социальное законодательство..., 2003, с. 655]. Чтобы противостоять распространению венерических заболеваний, был снят запрет на рекламу противозачаточных средств, которые могли способствовать профилактике таких болезней. Во многих городах устанавливали автоматы для продажи презервативов в общественных уборных. Презервативы были мало известны в рабочей среде и довольно дороги, и в условиях невысоких доходов семьи аборт являлся единственным выходом в случае нежелательной беременности. Кроме того, началось массовое движение женщин – членов коммунистической и социал-демократической организаций, сторонников сексуальной реформы и феминисток – за отмену § 218 Уголовного кодекса («§ 218. Беременная женщина, которая умышленно делает аборт или убивает плод в материнском теле, наказывается каторжной тюрьмой до пяти лет. При наличии смягчающих обстоятельств назначается тюремное заключение на срок не менее шести месяцев. Те же самые наказания применяются к тем, кто с согласия беременной применил для нее или предоставил ей средства для аборта или убийства») [Уголовный кодекс...].

В результате Ноябрьской революции 1918–1919 гг. женщины получили избирательное право и проявили небывалую политическую активность на выборах в Национальное собрание: 310 женщин было выдвинуто кандидатами в депутаты, 78 % имеющих право голоса женщин участвовали в голосовании. Интересна речь депутата Национального собрания от СДПГ Марии Юхаш (1879–1956), произнесенная 19 февраля 1919 г.: «Впервые в Германии женщина как свободная и равная может говорить с народом... Сегодня у женщин есть причитающееся им право гражданок государства... Политическое равенство дало моему полу возможность полного развития своих сил...» [Речь депутата...]. Большинство женщин-парламентариев в период республики баллотировались от СДПГ, Партии католического центра, праволиберальной Немецкой народной партии (ННП) и консервативной Немецкой национальной народной партии (НННП) и занимались в рейхстаге социальной политикой, образованием, здравоохранением. Но доля женщин во всех партиях и в 1920-е гг. оставалась ниже их доли в населении, а все высокие партийные посты были заняты мужчинами. В

подтверждение этого факта целесообразно привести статистические данные об участии в выборах мужчин и женщин в 1919–1930 гг.: в 1919 г. – соответственно 82,4 и 82,3%; в 1920 г. – 72,7 и 63,3; в 1924 г. – 73,8 и 62,0; в 1928 г. – 80,8 и 71,8; в 1930 г. – 84,4 и 78,4 [Участие в выборах...]. Как мы видим, доля женщин была неизменно меньше на протяжении обозначенного периода.

С получением избирательного права одна из главных целей женского движения была достигнута, и оно стало менее популярным. Многие представительницы буржуазного женского движения были разочарованы тем, что дальнейшая эмансипация отклоняется от их идеала. Радикальное крыло распалось, преобладали союзы домохозяек и женские профессиональные организации. Так, Отечественный женский союз считался благотворительной организацией и занимался подготовкой добровольных медсестер на случай войны. Занятия проводили военные медики, работа организации полугласно курировалась министерством обороны, а руководящие посты в ней нередко занимали мужчины. Впрочем, когда началась Первая мировая война, на фронт отправляли в основном профессиональных медсестер, а членам союза предпочитали поручать работу в тыловых лечебных учреждениях. При этом сама организация противопоставляла себя женскому движению.

Имперское объединение немецких союзов домохозяек и Имперское объединение сельских домохозяек тоже подчеркивали свою аполитичность, правда, несколько более дифференцированно относились к борьбе за гражданские права. Хотя руководство не скрывало своих симпатий к правым идеям, некоторые активистки придерживались довольно либеральных взглядов. Оба объединения входили в Союз германских женских обществ – организацию, созданную умеренным крылом женского движения. В своих публикациях объединения домохозяек призывали к «патриотическому ведению хозяйства», рекомендовали немецким женщинам отказаться от потребления экзотических фруктов в пользу немецких яблок, покупать только ржаной хлеб, поддерживая отечественных производителей, и предостерегали от «американского образа жизни». По мнению журнала «Немецкие домохозяйки» [Ihrem Volk..., 2007, S. 341], в США разучились чинить нижнее белье, так как при необходимости можно всегда очень дешево купить новое. Руководство обеих организаций было тесно связано с национал-либеральной Немецкой народной партией (ННП) и монархической Немецкой национальной народной партией (НННП). Фактически союзы домохозяек играли немалую роль в мобилизации правого электората. Вообще НННП, будучи самой крупной правой партией в 1920-е гг., пользовалась большой поддержкой женской части населения. Хотя обе партии (особенно НННП) отрицательно относились к предоставлению женщинам избирательного права, они охотно поручали своим сторонницам важные области партийной работы: сборы взносов, организацию праздников, благотворительность. Впрочем, роль женщин не сводилась к приготовлению кофе – по спискам НННП в рейхстаг и в земельные парламенты прошли немалое количество кандидаток. Уже в 1926 г. Аннагрете Леманн, депутатка Прусского ландтага от НННП, решительно отвергала требования вновь лишить женщин избирательных прав, поскольку немецкие женщины «несут ответственность перед своим народом» [Ibid., S. 341].

Однако и в Веймарской республике продолжали действовать организации, требовавшие лишить женщин всех политических прав, например, Немецкий союз борьбы против женской эмансипации. Женщины-активистки составляли четверть этой организации; даже 20% функционеров были женщинами, что по тем временам являлось очень высоким показателем. Активистки антифеминистского движения, доказывая, что эмансипация уничтожит уважение материнства и принудит вчерашних хранительниц очага к трудовой деятельности, подорвет устои нации, видели себя защитницами «особой женской сферы». При этом большинство известных антифеминисток вели активную политическую деятельность, пробивали себе дорогу в журналистику и зачастую успешно конкурировали с мужчинами в их «специфических сферах деятельности» [Ibid., S. 338]. Активистки «борьбы с эмансипацией» были весьма восприимчивы к идеям «расовой гигиены», всячески подчеркивали «еврейские корни» идеи женского равноправия. Некоторые из них, например Эмма Витте и Мари Дирс, впоследствии примкнули к нацистскому движению.

Важной организацией, в задачи которой входила консолидация сил правого лагеря, являлся Союз королевы Луизы. Созданный в 1923 г., он до сих пор мало изучен. Между тем эта организация охватывала разные слои населения. Официально «Луизенбунд» занимался благотворительностью и патриотическим воспитанием и считался «сестринской» организацией боевого союза ветеранов «Стальной шлем» [Ibid., S. 338]. Важные посты в союзе на местах нередко занимали жены и вдовы офицеров, были налажены контакты с НННП и НСДАП. Устав запрещал принимать в союз

лиц еврейского и вообще «иногo расового происхождения». Даже в уставе «Стального шлема» подобный параграф появился позже и только после длительных дебатов.

В противовес антифеминисткам и сторонницам идеи «аполитичности» в правом лагере оформилось явление, которое можно охарактеризовать как «национальный феминизм», или «феминизм справа». Так, Кете Ширмахер (1865–1930), одна из первых немецких женщин, получивших докторскую степень, в начале своей политической деятельности примыкала к левому крылу либерального феминизма, но уже в 1904 г. перешла на консервативные позиции. Впоследствии она заседала в веймарском Национальном собрании, во фракции НННП, и всегда отстаивала идею необходимости участия женщин в политической жизни, пытаясь совместить национализм с борьбой за расширение возможностей для женщин. Ширмахер примыкала к наиболее радикальному крылу НННП и была известна своими антиславянскими и антисемитскими выступлениями.

Вообще женщинам в правом движении приходилось вести нелегкую борьбу за признание со стороны мужчин. Это ярко иллюстрирует история Женского союза Немецкого колониального общества. Вопрос о самостоятельности Женского союза вызывал немало споров. Руководила женской секцией с 1910 по 1920 г. весьма колоритная фигура немецкой политической жизни – Хедвиг Хейль (1850–1934). Она была озабочена тем, что немецкие мужчины в колониях вступают в связь с местными женщинами, и пыталась организовать добровольную отправку будущих невест немецких фермеров в заморские протектораты империи. Кроме того, неустанно велась работа по распространению «научных знаний» о вреде смешанных браков, причем в «расово чуждые» были записаны даже буры.

К началу 1930-х гг. в Германии насчитывалось около 230 буржуазных женских организаций, но только немногие из них решительно боролись против нацистской опасности, поскольку нацистский культ матери отчасти смыкался с идеологией буржуазного женского движения. В то же время такие представительницы пролетарского женского движения, как Клара Цеткин, следовали политической линии КПГ и Коминтерна в борьбе с нацизмом.

Что касается антисемитской политики в гендерном измерении, то необходимо отметить следующее. Если, например, немецкие женщины имели статус гражданки, который был определен гражданством их отца или мужа, то статус еврейки был сомнителен, так как многим иммигрантам из среды женщин-евреек не разрешали стать гражданами вообще. В пределах еврейского сообщества еврейки должны были ждать еще дольше, чтобы получить право голоса. Таким образом, еврейские женщины подвергались двойной дискриминации: по гендерному и национальному признаку. При этом эмансипация еврейского сообщества затрагивала мужчин и женщин по-разному. Еврейские мужчины могли приспосабливаться к требованиям общества, образованного средним классом, не придерживаясь религиозного поведения, включая соблюдение еврейских диетических законов и запрета на работу в Шаббат. У женщин же отмечалась обратная тенденция, сопряженная с интересом к культурной истории евреев [*Wobick*]. Однако еврейских женщин во времена Веймарской республики считали в большей мере ответственными за ассимиляцию, так как, хотя еврейские мужчины и быстрее отступались от своей религиозной практики, еврейки чаще вступали в смешанные браки, в основном из-за возникающих финансовых затруднений [*Gillerman*].

Веймарская республика окончательно закрепила за женщинами право на высшее образование. С 1913 по 1931 г. доля студенток возросла с 6,3 до 16%, достигнув 20 тыс. Большинство женщин, получивших высшее образование, работали учителями полных средних школ, однако некоторым удавалось выдержать жестокую конкурентную борьбу и занять место преподавателя университета, адвоката или судьи. Еврейские девочки в начале XX в. могли получать начальное образование и учиться в предварительной средней школе, но высшее образование было им недоступно в отличие от еврейских мужчин, двери университетов которым были открыты с начала XIX столетия. Однако после получения доступа в университеты в 1908 г. еврейские женщины в последующие три года составляли 11% всех студенток. Еврейские женщины, как и еврейские мужчины, столкнулись с широко распространенным антисемитизмом в научной среде, при этом их пол был дополнительным препятствием на пути интеграции в научное сообщество. В связи с тем, что большая часть еврейского населения относилась к среднему классу, меньшее число еврейских женщин по сравнению с нееврейками нуждалось в работе и заработной плате. Как и еврейские мужчины, они работали в основном в коммерческом секторе экономики. Перспективной для трудоустройства евреек считалась социальная сфера, в которой реализовывалась «еврейская этика милосердия» [*Dortch*].

Ведущей организацией евреек в Веймарской республике являлась Лига еврейских женщин, основанная еще в 1904 г. Бертой Паппенхайм (1859–1936) в Берлине на конгрессе Международного совета женщин. За первые 10 лет существования в нее вошли 35 тыс. женщин, а к 1929 г. лига уже имела 430 филиалов и 50 тыс. членов (более 25% от общего числа евреек) [Берта Паппенхайм]. Лидеры лиги предпочли иметь собственную организацию, так как Паппенхайм полагала, что еврейские мужские организации недооценивали женщин как работниц и не хотели поддерживать их борьбу за политические права. Кроме того, будучи осведомленной о наличии национальных организаций у протестанток и католичек, она считала, что еврейки тоже нуждаются в национальной организации. Однако многие еврейки среднего класса, менее заинтересованные в борьбе за права еврейских женщин, становились активистками в умеренном крыле немецкого женского рабочего движения, тогда как женщины-работницы могли присоединяться к социалистическому женскому движению, поэтому политически активных евреек было больше.

Принципиальными целями Лиги еврейских женщин были сопротивление антисемитизму и улучшение социально-экономического положения еврейских женщин. Конкретными же задачами лиги были борьба с проституцией среди еврейских женщин, укрепление еврейского коммунального сознания и улучшение положения еврейского женского рабочего класса [Wobick]. Стоит подчеркнуть, что именно широкое распространение среди евреек проституции было весомым аргументом в устах антисемитов. Паппенхайм в своей работе «Еврейские девушки» объясняет такое положение вещей тем, что если муж умирал, то еврейская женщина не могла вступить повторно в брак без официального еврейского развода, который был возможен по желанию мужа. Оставаясь без средств к существованию, еврейки опускались до проституции. Как отмечает Паппенхайм, к этому могли принудить и мужья в еврейских семьях, только что переехавших в Германию. Она не раз с прискорбием замечала, что «большое количество евреек вовлечено в профессию проституции и во всех борделях мира можно найти евреев», но, несмотря на это, необходимо пересмотреть законы о браке (который до сих пор оставался деспотичным), признав, что женщины стали более независимыми вследствие повышения их образованности [Берта Паппенхайм].

Антисемитизм имел место не только вне женского движения, но и внутри его. Например, представительницы консервативной Немецко-евангелистской женской лиги заявляли, что возвышение Германии произойдет только после устранения «еврейского либерализма» [Dortch]. А в 1915 г. на 28-м Конгрессе Общенемецкой женской лиги было объявлено о том, что для полной интеграции в немецкое общество «евреям необходимо оставить свою “еврейскость”». Предполагалось соблюдение евреями четырех требований для их ассимиляции: 1) реформа профессиональной структуры сообщества, 2) использование немецкого языка, 3) принятие стандартов обучения, 4) впитывание новых буржуазных идеалов морального поведения [Стенограмма...]. Последнее требование опять же связывалось с еврейской проституцией. Паппенхайм видела выход из этого в повышении образованности еврейских женщин и, как следствие, в расширении их профессиональных возможностей.

Конкретные меры, принимаемые Лигой еврейских женщин в борьбе с проституцией, заключались в том, что добровольцы дежурили в портах и на железнодорожных станциях, обеспечивая евреек едой, убежищем, финансовой помощью и направлением с рекомендацией на работу. Лига основала первый в Германии дом для не состоящих в браке еврейских матерей. Он был разделен на семейные единицы, в которых матери заботились о собственных и приемных детях, готовили еду по еврейским рецептам и вместе отмечали религиозные праздники. Феминистки лиги организовывали бюро по трудоустройству, профессионально-технические центры, вечерние курсы и школы (предусматривались курсы по традиционным областям домашней экономики, охране детства, контролю над здоровьем и работе в сфере социальных проблем). Местные организации лиги предлагали курсы по таким темам, как «Женщины и политика», «Женщины и закон», «Еврейские женщины на немецкой работе в сфере социальных проблем» [Wobick]. Сама же Паппенхайм пыталась мобилизовать еврейские сообщества для содействия обучению еврейских женщин и борьбы с антисемитской политикой в этой сфере. Ее переводы (под псевдонимом Пола Бертольда) библейских и талмудических текстов, а также многочисленные публикации были попыткой познакомить с еврейским культурным и историческим наследием. Что касается политической сферы, то еврейские женщины смогли получить право участия в выборах только в конце 20-х гг. XX в. в шести из семи главных городов (где проживали более половины всех немецких евреев).

С 1924 г. лига начала издавать свой печатный орган «Болтовня еврейских женщин», в котором также широко обсуждались возможные решения проблемы проституции. Интересно проследить обсуждение этого вопроса в прессе: уже в конце 1920-х гг. тон статей в «Болтовне» свидетельствовал о том, что поведение евреек (включая проституцию) непосредственно ответственно за антисемитизм, царящий в немецком обществе [Ibid.]. В целом же в условиях усиления антисемитизма в период Веймара еврейские женские организации союзничали скорее с мужскими еврейскими обществами (Имперским союзом евреев-фронтовиков), чем с немецкими женскими организациями, сохраняя таким образом расовую идентичность, а не гендерную.

Итак, многие проблемы комплекса «брак–семья» остро стояли в период Веймарской республики, где добрачные связи и внебрачные дети не были редкостью. Попытка законодательного запрещения аборт не достигла своей цели, так как необходимость сделать аборт толкала женщин на некавалифицированное медицинское вмешательство, которое приводило к их заболеванию и смерти. Обратной стороной женской эмансипации являлось увеличение рабочего дня замужних женщин, которые, участвуя в общественном производстве, не были избавлены от домашних обязанностей. Что касается общественно-политической сферы, то в ней немки имели высокую степень равенства с мужчинами. Несомненно, присутствие женщин в рейхстаге оценивалось положительно, но оно никак не повлияло на их положение в обществе. Напротив, быстро обнаружилось, что существующие партии не готовы бороться за какое-либо расширение политических прав, могущее поставить под угрозу прерогативы мужчины. Сами же женщины, если говорить о формах и направлениях их активности, пытались мирными средствами достичь желаемого результата.

Библиографический список

- Bridental R., Grossmann A., Kaplan M.* When Biology Became Destiny: Women in Weimar and Nazi Germany. N.-Y., 1984.
- Dortch J.* Kathe Kollwitz: Women's Art, Working-Class Agitation, and Maternal Feminism in the Weimar Republic [электронный ресурс]. URL: http://etd.gsu.edu/theses/dortch_jamie_j_200608_ma.pdf
- Frevert U.* Frauen-Geschichte. Zwischen burgerlicher Verbesserung und Neuer Weiblichkeit. Frankfurt am/M., 1986.
- Gillerman S.* Enlightenment And Emancipation [электронный ресурс]. URL: <http://jwa.org/article/germany-1750-1945.htm>
- Ihrem Volk verantwortlich: Frauen der politischen Rechten (1890–1933): Organisationen – Agitationen – Ideologien.* Berlin, 2007.
- Wobick S. E.* Madchenhandel between Antisemitism and Social Reform: Bertha Oppenheim and the Judischer Frauenbund [электронный ресурс]. URL: <http://sophie.byu.edu/sophiejournal/New/Wobick.pdf>
- Zahn-Harnack A. von.* Die Frauenbewegung. Geschichte, Probleme, Ziele. Berlin, 1928.
- Берта Паппенхайм [электронный ресурс]. URL: http://en.Wikipedia.org/wiki/Bertha_Pappenheim
- Биск И. Я.* История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990.
- Германское гражданское уложение // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2003.
- История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. М., 2008.
- Конституции буржуазных стран. М.; Л., 1935. Ч. 1.
- Речь депутата Национального собрания от СДПГ Марии Юхаш 19 февраля 1919 г. [электронный ресурс]. URL: <http://yspu.yar.ru/hreader/1/?in=docs.2>
- Социальное законодательство Германии // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2003.
- Стенограмма 28-ого Конгресса Общенемецкой женской лиги, 1915 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.limmudfsu.org/userfiles/ny_program.pdf
- Уголовный кодекс Германской империи от 15 мая 1871 г. [электронный ресурс]. URL: <http://yspu.yar.ru/hreader/1/?in=docs.4>
- Участие в выборах мужчин и женщин, 1919–1930 гг. [электронный ресурс]. URL: <http://yspu.yar.ru/hreader/1/?in=docs.2>
- Фаллада Г.* Крестьяне, бонзы и бомбы. М., 1984.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.11.2010